

М.И.Задорожный
МАКСИМУМ-СТРАТЕГИЯ и ЭКОНОМ-СТРАТЕГИЯ
(Принцип экономии трудовых усилий в концепции Е.Д. Поливанова
и членение непрерывного потока речи на слова)

© 2001 г. М.И. Задорожный

Орехово-Зуевский государственный педагогический институт

Центральное место в общеязыковедческих штудиях Е.Д.Поливанова занимает, вне сомнения, проблема эволюции языка.

Стержнем его эволюционно-лингвистической концепции, то, на чем она строится и из чего выводится, является принцип экономии умственных и физических усилий¹ (экономии трудовой энергии, по Поливанову) как первопричины, пружины любых языковых изменений – идея, воспринятая им от его учителей – И.А.Бодуэна де Куртенэ и Л.В.Щербы.

В свете этой концепции Е.Д.Поливанов рассматривал и речевую деятельность, понимая под последней вид деятельности вообще, точнее, трудовой деятельности, или, как он выражался, трудового процесса. Как и всякая другая деятельность, речевая деятельность, или речевая коммуникация, согласно его взглядам, протекает в определенных условиях и имеет определенные формы.

Этого аспекта речевой деятельности в рамках разработанной им концепции языковой эволюции Е.Д.Поливанов в том или ином плане и в той или иной мере касается в целом ряде своих работ, в частности таких, как “Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса” [42, 57, 59], “Где лежат причины языковой эволюции?” [42, 76, 78, 82], “Мутационные изменения в звуковой истории языка” [42, 106, 108], “Закон перехода количества в качество в процессах историко-фонетической эволюции” [42, 117], “Круг

очередных проблем современной лингвистики” [42, 179], “О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка” [42, 218, 219], “Фонетика интеллигентского языка” [42, 231], “Субъективный характер восприятия звуков языка” [42, 237].

При этом он разграничивал условия и формы речевого общения, с одной стороны, на нормальные, обыденные, а с другой – на специфические, исключительные, что нашло свое отражение в соответствующих понятиях и терминах, а именно: 1) нормальные условия (речевого общения), нормальный порядок явлений, при которых речевая коммуникация носит бессознательный, ненамеренный, помимовольный характер, и 2) исключительные, специфические, сопутствующие, аномальные, особые условия, исключение из нормы.

Обыденный или, напротив, исключительный, нестандартный характер условий речевого общения самым непосредственным образом сказывается на членении речи на те или иные единицы, в частности на вербальные, словные, при ее порождении и восприятии [18, 57; 19, 70].

В обычных, стандартных условиях коммуникации такое членение осуществляется, как это показано нами [14–32 и др.], по максимум-цепочкам, а именно таким образом, что на каждом его шаге избирается максимальная из словоформ, возможных в данной точке речевой цепи, т.е. полностью вкладывающихся в текущую последовательность символов и не допускающих никаких словесных продолжений. В специфических условиях членение на слова и другие единицы может производиться не по максимум-цепочкам, т.е. так, что на том или ином его шаге выбира-

¹ Историографические аспекты данной проблемы, являющейся объектом глубокого интереса представителей самых различных областей знания и до Е.Д. Поливанова, рассмотрены, в частности, в работах Б.А.Серебренникова [46, 25-39] и Р.А. Будагова [7; 8, 141-172]. См. также [32, 8-14].

ется одна из словоформ, вкладывающихся в максимальную.

Членение речевого потока по максимальным (включающим) цепочкам, обоснованное логически, психолингвистически и статистически [14; 16; 17; 21; 24; 27; 28 и др.], как правило, адекватно замыслу продуцента, в чем убеждают простейшие примеры на пословную сегментацию текста (демонстрируется графический вариант, но суть дела от этого не меняется²):

В/лесу/раздавался/топор/дровосека

в лес ра то дров
лесу раз топ дровосек
раздав топор дровосека
раздавал
раздавался

Столовая/открывается/рано

с о ра
сто от ран
стол открыв рано
столов открывает
столовая открывается

Членение по минимальным (включающимся) цепочкам (минимум-цепочкам) хотя бы в одном месте речевой цепи, как правило, либо 1) видоизменяет смысл текста, либо 2) деструктурирует, обесмысливает его (текст членится на набор слов, лишенных синтаксических связей), либо 3) и вовсе приводит к тупиковым решениям. При этом во всех трех случаях членение, как правило, неадекватно замыслу продуцента.

Ср.:

1. В/лесу/раз/давался/топор/дровосека.
2. В/лес/у/раз/давался/то/пор/дров/осе/к/а.
3. В/лесу/раздавался/то/по/*рдровосека.

Членение речевого потока на слова по максимум-цепочкам – рецептивная универсалия [28, 29]. При этом если в стандартных, обычных условиях речевой коммуникации оно осуществляется именно

² Более того, поскольку единицы звучащей речи характеризуются большей различимостью по сравнению с ее сильно омонимизированным орфографическим представлением, что особенно характерно для орфографий, основанных, как русская, на фонематическом принципе, фонетическая запись оказалась бы еще более впечатляющей для демонстрации действия максимум-принципа в языке. См. в связи с этим также [29, 113].

так, то в специфических условиях³, как и следовало ожидать, прямо противоположным образом, а именно по минимум-, точнее, не по максимум-цепочкам [26, 11]. Ср.:

1) С вино ватую улыбкой ← с виноватую улыбкой (восприятие и отражение в диктанте формы тв. п. слова *виноватый* учеником национальной школы, в лексический запас которого еще не вошла данная лексическая единица, но уже освоившим слова *вино* и *вата*).

2) Любимый город, синий дым Китая (или в синий дым Китая) ← Любимый город в синей дымке тает (восприятие строчки из известной песни ребенком, уже освоившим слова *дым* и *Китай*, но не знающим, что такое дымка)⁴.

3) Вэл ком, Сэм! – Добро пожаловать, Сэм! ← ВЛКСМ (из копилки КВН).

4) Ах, верь мне, Саша! Верь мне, Саш! ← Ах, вернисаж, ах, вернисаж! (оттуда же – аллюзивное обыгрывание имени ведущего КВН Александра Маслюкова по ассоциации с популярным шлягером Валерия Леонтьева и Лаймы Вайкуле).

5) Из май лов! – Это моя любовь! ← Измайлово (рекламный текст).

6) – У вас еще есть книга про щенков?
– Нет и не было.
– Как же не было, когда мне сказали, что только что в вашем киоске купили?! Там еще на обложке написано: «30 щенков».

– А кто автор?
– Не знаю. У меня только название записано. Вот, посмотрите.
– Ну-ка, ну-ка. Господи! Да это же Зоценко! Зо-щен-ко! А не 30 щенков. Вот, посмотрите! (анекдот).

³ К специфическим условиям речевого общения можно отнести недостаточный уровень языковой компетенции и тезауруса (знаний о мире) или, напротив, превышение этого уровня и, на чем строится языковая игра, несовпадение языковой компетенции и тезауруса у продуцента и реципиента, наличие помех в канале связи [18, 57; 19, 70-71; 23, 101; 28, 29; 30, 31, 121; 32, 43-44].

⁴ Известный писатель Станислав Рассадин объясняет именно такое восприятие данной строчки романтической тягой к экзотике, неизведанным далям и дыму странствий [43].

7) Легко ли быть студентом? → Легко Ли быть студентом (из выступления команды КВН Ленинградского мединститута – 19.03.88).

8) – Будешь, чукча, почетным академиком.

Чукча, подумав:

– А по нечетным можно на охоту ходить? (анекдот с более чем длинной бородой).

9) – У Нюрки не келированная (← никелированная) кровать, а у меня келированная (из разговора двух малообразованных соседок).

10) Социологическая школа получила развитие во Франции. Представители: Фердинанд Соссюр, Антуан Мейе, Бенве Лист ← Бенвенист (поскольку у предыдущих ученых называется не только фамилия, но и имя, плюс ассоциация с композитором Листом – из конспекта лекций по общему языкознанию).

11) – На идеи каких ученых вы опирались в своей работе?

– Л.В.Щербы, Н.С.Трубецкого, Р.Я.Кобзона ← Р.Якобсона (отразившийся в отчете результат дремучего невежества проверяющего, филолога по образованию, и популярности Иосифа Кобзона).

12) Из числа русских ученых основателями Пражского лингвистического кружка были Н.С.Трубецкой и Р.Я.Кобзон (из конспекта лекций по общему языкознанию, отдаленных от случая, отмеченного в предыдущем примере, почти на четверть века, что, кстати, свидетельствует о неподвластности времени славы этого поистине народного певца).

13) – У вас есть книга Д(э) К(а) Мирона “Пока что”? ← Декамерона “Боккаччо” (анекдотичный случай из библиотечной практики с демонстрацией первокурсником соответствующей записи в конспекте лекции).

14) В двенадцать ноль-ноль по Гринвичу я уже был представлен директору Британского музея, фамилия у него какая-то звучная и дурацкая, вроде сэра Комби Корм ← Маккормик (обыграно Вен. Ерофеевым в поэме “Москва – Петушки”, глава “Дрезна – 85-й километр”) [13, 100].

И это тоже рецептивная универсалия [23, с. 106; 25, с. 68; 26, с. 12; 28, с.29; 32, с. 41–48].

Такой характер членения в специфических условиях подтверждается и игровой парцелляцией предложений, т.е. длинной минимизацией составляющих их фраз и синтагм.

1) Одним из примеров может служить трагическая и комическая интерпретация обычного текста капитанами команд Московского и Днепропетровского государственных университетов на одном из туров КВН (21.11.87).

Вот исходный текст:

Меня зовут Коля. // Я живу в Москве / в двухкомнатной квартире с кухней. // Окна выходят во двор. // Я выхожу гулять в парк по вечерам.

А вот как он передан “трагиком” (капитан команды МГУ):

Меня зовут: / “Коля!” // Я – живу?! // В Москве?! // В двухкомнатной квартире?! // С кухней?! // Окна выходят. // Во двор я выхожу. // Гулять в парк. // По вечерам (в трансформе 11 синтагм вместо 5 исходных – фразовое и синтагматическое членение могут совпадать).

Произносится все это с интонацией скепсиса. “Не отстал” от капитана МГУ и “комик” – капитан ДГУ. Расчленил исходный текст практически так же. Только с интонацией глупой радости.

2) Ешь ананасы! // Рябчиков жуй! // День твой последний. // Приходит буржуй ← День твой последний приходит, буржуй (визитная карточка команды Новосибирского госуниверситета – КВН, 19.03.88).

3) На одной из известных в свое время телепередач “Встречи в Останкино” (7.11.1987) популярная эстрадная актриса, народная артистка СССР Мария Миронова поделилась следующей репризой:

– Фразу “Здравствуйте, как поживаете?” можно произнести по-разному:

“Здравствуйте! // Как поживаете?” и “Здра-а-вствуйте! // Как! // Поживаете?”

4) В МИДе приняли английского посла. // За французского ← В МИДе приняли английского посла / за французского (“Фразы”).

5) Исключительный интерес в этом отношении представляет микросюжет о старшем ревизоре электропоезда “Москва – Петушки” Семеныче, построенный на дроблении, прерывании хода событий – одном из приемов, использованных Венедиктом Ерофеевым для раскрытия фантазмагоричной калейдоскопичности, многократной рассеченности внутреннего мира главного героя и его внешних жизненных обстоятельств. При этом сюжетная прерывистость дополняется синтагматическим расчленением, фракционированием текстовой целостности. И не просто расчленением, а расчленением с перебивками.

Содержательно сюжет состоит в том, что Веничка в течение трех лет поездка за поездкой рисует Семенычу привлекавшие благодарного слушателя лишь своей альковной стороною картины мировой истории, чем избавляет себя от двадцатипятиграммовых водочных штрафов за безбилетный проезд в электричке. Причем в силу объективных обстоятельств рассказ каждый раз прерывается на самом интригующем месте, поскольку вконец набравшийся (точнее, надравшийся) контролер доезжал только до Орехово-Зуева, где ему нужно было отмечаться в своей конторе. Но всякая история, констатирует автор, имеет конец, и мировая история – тоже, что грозит герою неминуемым штрафом. И тогда он пускает в ход лесть и выпренную демагогию:

– Москва – Петушки? Сто двадцать пять.

– Семеныч! – отвечал я почти умоляюще. – Семеныч! Ты выпил сегодня много?..

– Прилично, – отвечал мне Семеныч не без самодовольства. Он пьян был в дымину...

– А значит: есть в тебе воображение? Значит: устремиться в будущее тебе по силам? Значит: ты можешь вместе со мной перенестись из мира темного прошлого в век золотой, который “ей-ей грядет”?..

– Могу, Веня, могу! сегодня я все могу!..

– Так слушай. То будет день, “избраннейший всех дней” ... И будет добро и красота, и все будет хорошо, и все будут хо-

рошие, и кроме добра и красоты ничего не будет, и сольются в поцелуе... / (1)

– Сольются в поцелуе?.. – заерзал Семеныч, уже в нетерпении...

– Да! И сольются в поцелуе мучитель и жертва; и злоба, и помысел, и расчет покинута сердца, и женщина... / (2)

– Женщина!! – затрепетал Семеныч. – Что? что женщина ?!!!..

– И женщина Востока сбросит с себя паранджу! окончательно сбросит с себя паранджу угнетенная женщина Востока! И возляжет... / (3)

– Возляжет?! – тут он задержался.

– Да. И возляжет волк рядом с агнцем, и ни одна слеза не прольется, и кавалеры выберут себе барышень, кому какая нравится, и... / (4)

– О-о-о-о! – застонал Семеныч. – Скоро ли сие? Скоро ли будет?.. – и вдруг, как гитана, заломил свои руки, а потом суетливо, путаясь в одежде, стал снимать с себя и мундир, и форменные брюки, и все, до самой нижней своей интимности... [13, с. 103–104].

При этом природа специфичности, нестандартности условий общения совершенно несущественна. Тот же результат (парцеллирование) может иметь место и в неигровой неординарной ситуации (наличие физических помех, состояние эмоциональной напряженности и т.д.). Например:

1) – Познайте, что бог сотворил нас. И мы его... // (пауза) народ, паства (из религиозной радиопередачи).

2) – Врачи – они всегда врачи. Неважно какие... // (пауза) потрясения у нас происходят (из радиопередачи).

3) – Принесли на кладбище. // Человека. // Которого знала и любила вся страна (из телерепортажа).

4) Предельный случай парцеллирования наблюдается при тяжелых формах речевых расстройств, например при афазии, промежуточной между динамической и моторно-эфферентной, частным случаем которой является так называемый телеграфный стиль, или аграмматизм, изложения, т.е. выключение синтаксического модуля при речепорождении, вследствие чего в наиболее грубых случаях происходит полный распад грамматической структуры

фразы при сохранности номинативной функции речи [39, 78–79; 52, 22; 2, 110–197]. “Этот дефект, – говорит А.Р.Лурия, – выступает в еще более отчетливой форме в более сложных видах речевых сообщений. Больной, рассказывающий историю своего заболевания, воспроизводящий содержание прочитанного ему рассказа или предъявленной сюжетной картины, может заменять плавную развернутую речь цепью изолированных слов, подавляющее число которых оказывается обозначением предметов; в эту цепь включается лишь незначительное число глаголов, даваемых, как правило, в неопределенной форме. Так, передавая историю своего ранения, такие больные могли говорить: “Вот... фронт... солдаты... поход... солдаты... стрелять... вот... голова... рана... и госпиталь... и вот...”, а передавая содержание рассказа о поисках сокровищ затонувшего корабля, давали такое же “телеграфное” изложение сюжета: “Вот... буря... корабль... вот... на дно... и там... золото... деньги... водолаз...” и т.п.” [39, с. 78].

И тот, и другой типы членения (по максимум- и по минимум-цепочкам) определяются одними и теми же факторами, значимыми как для продуцента, так и для реципиента, а именно: 1) уровнем помех в канале связи, 2) уровнем языковой компетенции и 3) уровнем знаний о мире [23, 100], первый из которых принимает значения “в норме” и “выше нормы”, а два других – “в норме”, “выше нормы” и “ниже нормы”. При этом максимум-членение, как правило, реализуется только в том случае, если все три параметра для обоих партнеров по общению принимают значение “в норме”. Если же хотя бы один из параметров для продуцента либо реципиента принимает иное значение (“выше” или “ниже нормы”), преимущественно имеет место минимум-членение, являющееся результатом языковой игры при значении “выше нормы” (первые пять из последних примеров – на синтагматическое членение) и следствием речевой (шире – коммуникативной) ошибки – при противоположном значении (остальные четыре) [23, 101].

Крайности, таким образом, сходятся [18, 59], о чем как нельзя лучше свиде-

тельствуют 6-й 8-й примеры на словесное членение (про 30 щенков и почетного академика), анекдотичное содержание которых (особенно 6-го) вполне могло быть и реальным случаем из цикла “Нарочно не придумаешь”.

Сюда же можно отнести своего рода речевые маски, являющие собой промежуточный случай между языковой игрой и речевой ошибкой, когда происходит совмещение образа автора и героя⁵, в результате чего достигается известная характеристика второго из них, но одновременно и явная или неявная самохарактеризация первого, демонстрирующая его языковую и/или тезаурусную сверхкомпетенцию, как, например, в сценке из “Жизни и необычайных приключений солдата Ивана Чонкина” Владимира Войновича:

– Вы знаете Курта?

– Кур-то? Да кто ж их в деревне не знает? В каждом дворе водятся.

Явления подобного рода в качестве речевых ошибок с выявлением причин возникновения обстоятельно характеризует В.А.Богородицкий, разграничивая их на ошибки в речи произносимой (обмолвки), письменной (описки) и слышимой (ослышки), а также на ошибки припоминания и, наконец, ошибки патологической природы [5, 144–178].

Разбирая ослышки, В.А.Богородицкий в принципе выделяет, хотя и в других формулировках, те же три их источника (уровень помех в канале связи, уровень языковой компетенции и уровень знаний о мире – тезаурус), имеющие как объективную, так и субъективную обусловленность [5, 161–162]. К ослышкам объективного плана (или момента) он относит характер слышимой речи, которая может быть недостаточно громкой и отчетливой, а также дальность расстояния (иначе говоря, все, что имеет то или иное отношение к уров-

⁵ Несколько иное содержание в понятие речевой маски вкладывается в работе [33, 180], где оно интерпретируется просто как выступление в чужой роли. Ср. также с термином М.М. Бахтина “языковая маска”: “...Диалекты становятся как бы целостными образами, законченными типами речи и мышления, как бы языковыми масками” [4, 518-519].

ню помех в канале связи в нашей классификации). В ошибках субъективного генезиса числятся недостаточно тонкий слух (что также является “прерогативой” канала связи) и, кроме того, новизна либо неожиданность предмета речи (фактор, именуемый нами уровнем сформированности тезауруса, или знаний о мире), а также наличие чуждых для слушающего иностранных слов (то, что, несомненно, связано с уровнем языковой компетенции).

В соответствии с языковыми уровнями ослышки делятся на фонетические (неадекватное восприятие отдельных звуков), морфологические (неверное восприятие морфологического состава) и семасиологические (неправильное истолкование смысла тех или иных слов). Морфологические и семасиологические ослышки именуются соответственно ошибочной морфологизацией и ошибочной семасиологизацией, по аналогии с чем фонетические ослышки можно было бы назвать ошибочной фонетизацией.

Надо сказать, что эта проблема всегда была предметом пристального внимания как самого Бодуэна де Куртенэ, так и бодуэновцев, в том числе и Е.Д.Поливанова, рассматривавшего ее, в частности ослышки, в контексте фонетической эволюции языка [42, 64]. В таком же, общезыковедческом аспекте (фонетическая природа и творческий характер языка, его история и лингвопалеонтология, территориально- и социально-диалектная дифференциация и межъязыковое взаимодействие и др.) интересовали обмолвки (*lapsus linguae*), опiski (*lapsus calami*) и ослышки (*lapsus auris*) и Бодуэна де Куртене [6, т. I, 79, 88, 109, 114; т. II, 47, 199, 282].

Проводя параллели между условиями общения и стратегиями членения, следует иметь в виду, что оценка членений как производящихся по максимум-цепочкам – это точка зрения как продуцента, так и реципиента, а по минимум-цепочкам – только продуцента. С точки же зрения реципиента это вполне нормальное, правильное членение, производимое по канону, т.е. по максимум-принципу, ибо оно полностью коррелирует с уровнем его (реципиента) знаний о мире и языковой компетенции,

находящей частное свое проявление в уровне словарного запаса. Иначе говоря, рецептивная универсалия – членение речевого потока по максимум-цепочкам, определяющая процесс речевой коммуникации в стандартных условиях общения, является определяющей и для специфических условий. Поэтому если позволяет лексический багаж, то и в этих условиях, причем с точки зрения не только самого реципиента, но и продуцента, членение также осуществляется по максимум-цепочкам, что, конечно же, вовсе не означает, что с точки зрения продуцента такое членение является и адекватным. Ср.:

1) Страна моя, Москва моя, тыса моя любимая ← Страна моя, Москва моя, ты самая любимая (задаваемое ритмом, а также семантическим, морфологическим и синтаксическим параллелизмом перерасположение, при котором происходит стяжение одних частей текста, разъединенных смысловой границей, и одновременное рассечение, усложнение других, не рассеченных, цельных частей).

2) Как-то раз перед горою ← Как Тарас перед горою (аналогичный, “перерасположенческий” случай).

3) Днем, пока плед, посидев на пляжке ← Днем, по капле нацедив во фляжки.

В последнем примере зафиксирована отраженная в записи причудливая трансформация строки из стихотворения Симонина в киргизской аудитории как результат необычного и вместе с тем закономерного взаимодействия фонетических и ассоциативно-семантических причин, “застрельщицей” среди которых является фонетическая: в связи с отсутствием в киргизском языке фонем (и звуков) <ф> и <ц> последние закономерно заменяются в словах *фляжке* и *нацедив* соответственно фонемами <п> и <с> в их сигнификативно сильном либо слабом виде, тождественными исходным по всем семиотически значимым признакам, кроме способа образования [3, 102–105; 9, 16, 22–27, 39–43; 51, 20–21, 95, 108], что дает *пляжке* и *наседип*, а затем уже вычлененные из них *пляж* и *сиди* (*сидеть*) “тянут” за собой *плед* и *посидев* с перерасположением *по капле* на *пока плед* и вынужденной заменой – под

давлением сложившихся обстоятельств – *на на по в нацедив и во на на в во фляжки*.

4) Сын формацией ← с информацией.

5) Примерно первое правило ← пример на первое правило.

6) Свиноватую улыбкой ← с виноватую улыбкой (последний пример, а возможно, и предпоследний – явная игра).

7) Замкомпоморде ← заместитель комиссара по морским делам (старая шутка).

8) Диалог в библиотеке:

– У вас есть стихи Асыпушкина?

– Какого Асыпушкина? Я что-то такого не знаю. Нет, по-моему такого поэта.

– Есть! Есть! Нам преподаватель сказал. Вот посмотрите, у меня записано.

– Да это же Пушкин! А.Эс.Пушкин. А не Асы... Александр Сергеевич.

– Да, да! Правильно! Александр Сергеевич. Спасибо! (старый анекдот).

То же при синтагматическом членении:

1) Докладчик (уткнувшись в текст доклада, написанного не им):

– Уважаемые товарищи империалисты! // Наши злейшие враги...

Суфлер:

– Не так. Надо: “Уважаемые товарищи!” //

Уважаемые товарищи империалисты! М-м. Уважаемые товарищи! // Империалисты – наши злейшие враги (из анекдота).

2) На алой ленте слова: / “Защитникам Родины, / павшим в годы Великой Отечественной войны / от Генерального секретаря ЦК КПСС» ← ... в годы Великой Отечественной войны. // От Генерального секретаря ЦК КПСС (из радиорепортажа).

Есть случаи совмещения максимум- и минимум-членения, своего рода их диффузность при очевидной двусмысленности высказывания. Например:

1) Реплика жены в разговоре с мужем, которому наконец-то удалось получить малосемейку. Он безмерно счастлив. Что-то возбужденно говорит жене. Та ему в ответ:

– Вон у Веревкина и квартира, и машина, и дача. А ты как жил с котом (↔ скотом), так с котом (↔ скотом) и остаешься (КВН, 1.05.93 – команда Новоси-

бирского университета “В джазе только девушки”).

2) – Тете участок выделили. Только за воду (↔ заводу) надо много платить (собственная речевая практика).

Характеризуя данный вид диффузности, следует особо отметить, что именно этим – наличием двусмысленности при абсолютной неразличимости в слуховом восприятии (фонетическом тождестве – омофонии) – он отличается от диффузности отдельных значений одного и того же многозначного слова (или, что почти то же самое, ЛСВ), описанной Д.Н. Шмелевым, т.е. тем, что в последнем случае при явной реализованной неоднозначности не возникает неоднозначности понимания высказывания и отсутствует намеренное или, добавим, ненамеренное столкновение значений [53, 65; 54, 84, 124].

Максимум-стратегия, в соответствии с которой членение речевого континуума на те или иные единицы осуществляется по максимум-цепочкам, уже по самому своему названию, казалось бы, противоречит эконом-стратегии, т.е. тенденции к экономии речевой энергии, приводящей в частном случае к изнашиванию слов, к их сокращению, укорочению. Но никакого противоречия здесь нет. Напротив, налицо полная взаимосогласованность обеих стратегий друг с другом [28, с. 31; 30, с. 78; 32, с. 49].

В самом деле, глобальной целью речевой коммуникации как одного из видов трудовой деятельности, или трудового процесса, по Е.Д.Поливанову, является сообщение и, следовательно, понимание [55, 29], иначе говоря, обмен информацией между коммуникантами, т.е. попеременная ее выдача и получение последними. Процесс же выдачи и получения информации, нового (с точки зрения потребителя) есть не что иное, как постепенное снятие неопределенности (неизвестного) и сведение ее к нулю [22, 70], к чему стремится, учитывая кровные интересы потребителя информации, и ее производитель, снимая тем самым противоречие между прямо противоположными интересами говорящего и слушающего [45, 108], или, как говорил Л.В. Щерба, между интересами говорения

и понимания [55, 30]. А это сама жизнь, каждодневная история языка, которую, по словам Л.В.Щербы, “можно представить, как постоянное возникновение этих противоречий и их преодоление” [55, с. 30], что является одной из его (языка) движущих сил, внутренним источником самодвижения, саморазвития. Уместно в связи с этим привести мнение еще одного неординарного ученика И.А.Бодуэна де Куртенэ – Н.В.Крушевского, который также считал неопределенность единиц языка источником его изменения, развития [38, 104].

Неопределенность же тем меньше, т.е. информация тем определеннее, чем протяженнее ее материальный носитель [20, 97–98; 22, 70]. На это, кстати, тоже обращал внимание все тот же Н.В.Крушевский, который отмечал, что неопределенность языковой единицы тем выше, чем ниже уровень, к которому она относится [38, с.103], и, следовательно, чем, в общем случае, она короче.

Аналогичную мысль находим у А.М. Кондратова, который в свое время в связи с решением задач дешифровки неизвестных письменностей подчеркивал, что “чем длиннее полиграмма, тем меньше вероятность ее случайного образования и тем больше вероятность того, что ей соответствует какая-либо единица языка” [36, 33], а также у Л.И. Ройзензона и Р.И. Могилевского, отмечавших возможность увеличения числа двоичных единиц на один отрезок сообщения путем построения все больших и больших отрезков информации [44, 59].

Это свойство словесных знаков в неявном виде всегда учитывалось в компаративистике. Почти эксплицитно его использовал Е.Д.Поливанов для доказательства неслучайности звуковых соответствий числительных со значением ‘сто’ в индоевропейских языках. В частности, продемонстрировав регулярность, т.е. не случайность, а генетическую обусловленность звуковых параллелей начального согласного (снскр. *ś* [ш'] – лат. *c* [к] – авест. *s* [с] – греч. *k* [к] – лит. *š* [ш] – кельт. *c* [к] – герм. *h* – слав. *s* [с]) соответственно в словах *śatám*, *centum* (во времена Цезаря и Цицерона произносилось как *кэнтум*),

sat šm, *hekatón*, *šim štas*, *cant* (кимр. и брет.), *hunt* (др.-верх.-нем.), *съто* (др.-церк.-слав.), он прибегает к такому, бесспорно, решающему аргументу, как наличие регулярных звукосоответствий по всей длине сравниваемых слов: вслед за начальными согласными обнаруживается соответствие во втором элементе: “гласный – гласный + носовой *n* или *m*” (*a – en – a – a – im š – an – un – ь*) и, далее, в тождественном во всех сравниваемых языках – *t*, что (соответствие по всей длине сравниваемых слов) тем более не может быть случайностью [42, 290–293].

Более чем через полвека после публикации (1931) небольшой, почти замечательного характера, статьи Е.Д.Поливанова “И математика может быть полезной”, откуда приведены его соображения, Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов в своем фундаментальном труде “Индоевропейский язык и индоевропейцы” во “Введении”, в котором излагаются теоретические основания исследования, в специальном его разделе “Истолкование формально-смыслового сходства между знаками различных языков и понятие родственных языков” возводят названное свойство в эвристический принцип, подчеркивая, что “вероятность случайного совпадения уменьшается также (наряду с увеличением числа регулярных соответствий и количества языков, в которых они прослеживаются. – М.З.) и в зависимости от длины схожих слов: чем длиннее совпадающие слова двух различных языков, тем меньше вероятность их случайного совпадения” [11, с. LXXV].

Эта же эвристика применяется и для генетической квалификации слов, в которых имеются тождественные звуки – вплоть до полного совпадения соответствующих форм, что может быть результатом либо чисто случайного их совпадения, либо заимствования из одного языка в другой (другие). В этом случае для выбора одной из альтернатив (об исконности/неисконности, т.е. генетической родственности/неродственности, анализируемых единиц) снова на помощь приходит критерий длины слова в ее как можно более максимальной реализации, т.е. использует-

ся максимум-принцип (максимум-стратегия). Общее правило идентификации (или, что то же самое, дифференциации) здесь такое: чем больше длина сравниваемых слов и чем больше в них тождеств, т.е. звуковых совпадений (а не различий, но различий закономерно коррелятивных), тем вероятнее их заимствованный характер и, наоборот, чем ограниченной их фонемный состав и чем меньше в них звуковых тождеств, тем выше вероятность их происхождения из общего языка-источника [11, с. LXXVII].

С другой стороны, “чем короче знак, – отмечал в несколько иной связи еще в 1929 г. известный швейцарский лингвист Анри Фрей – автор “Грамматики ошибок”, – тем меньше в нем составляющих его различий, тем больше опасность спутать его с другим” (цитировано по [10, с. 29]).

Это подтверждается, например, увеличением числа омонимов в результате компрессивного словообразования, т.е. суффиксальной универбации и усечения базовых основ отдельных слов и словосочетаний и, особенно, аббревиации. Так, в аббревиатуру КП упаковано, как показано в “Словаре сокращений”, семнадцать атрибутивных словосочетаний, именующих самые различные реалии: 1) кислородный прибор, 2) командный (контрольный) пункт, 3) коммунистическая партия, 4) контактор пуска, 4) коробка передач и др. [1, 181–182, 436]. Есть в этом словаре аббревиатуры и с более богатым наполнением.

Представляют интерес в этом отношении шуточные деаббревиации – расшифровки широкораспространенных аббревиатур:

– высшее учебное заведение → вуз → выйти удачно замуж;

– боевая машина пехоты (или: Балтийское морское пароходство, батальон морской пехоты, батальонный медицинский пункт, бензомотопомпа) → БМП → без малейшего понятия;

– Дом санитарного просвещения (древесно-слоистый пластик, древесно-стружечная плита, дуговая сталеплавильная печь) → ДСП → 1) день самостоятель-

ной подготовки, 2) день самозабвенного пьянства;

– передвижная механизированная колонна → ПМК → пока мать кормит;

– основы безопасности жизни (школьный предмет) → ОБЖ → охрана (общество) беременных женщин (бывших жен);

– листок опорного сигнала (один из компонентов методики обучения, разработанной известным донецким учителем-новатором В.Ф.Шаталовым) → ЛОС → льготы (лафа) отупевшим старшеклассникам (ряд адъективированных причастий может быть продолжен не менее чем до двух десятков);

– острое респираторное заболевание → ОРЗ → 1) обыкновенный рабочий запой, 2) очень резко завязать;

– Союз Независимых Государств → СНГ → 1) Спаси нас, господи! 2) С Новым годом! и мн. др.

Существует целый ряд других доказательств, с достоверными статистическими выкладками, большей информационной определенности полиграммных образований и, следовательно, стремления к восприятию в единицу времени как можно большего объема информации за счет опознания в этом временном интервале как можно больших отрезков текста (устного и письменного).

Так, в статистически обработанных экспериментах по угадыванию букв в слове, проведенных в свое время в руководимой Р.Г. Пиотровским всесоюзной группе “Статистика речи”, было установлено, что “распределение информации в тексте” имеет “пилообразный” характер, причем максимумы (пики) информации (т.е. энтропии, неопределенности. – М.З.) падают на начало слов, а ее минимумы лежат на концах слов (даже в таких флективных языках, как русский) и на пробелах” [41, 91]. Следовательно, чтобы получить максимум, например, словесной информации, точнее, исчерпать ее всю, необходимо распознать как можно больший по длине материальный отрезок – носитель такой информации, т.е. просмотреть, прослушать текст на как можно большую глубину.

К такому же выводу приводят и эксперименты с тахистоскопическим распо-

знаванием (путем кратковременного предъявления; от греч. *tachys*, *tachyistos* ‘быстрый, скорый’ + *skopeo* ‘смотрю’) слов и других элементов текста, проведенные Р.М. Фрумкиной. В этих экспериментах было доказано, что “чем больше воспринято полезных признаков, тем меньше объем класса возможных гипотез и тем больше вероятность правильного распознавания” [49, 95]. При этом эксперименты по распознаванию триграмм (трехбуквенных сочетаний), которые могут быть как словами (например, *оса*, *рот*), так и частями слов (таких, как, например, *полоса*, *коса*, *поворот*, *крот*), показали, что подобные буквосочетания распознаются прежде всего как слова (на основе соответствующих частот), а не как части, куски слов [49, 94], т.е. как можно более максимально законченные знаковые образования.

Аналогичные результаты, представляющие значительный интерес с точки зрения максимум-стратегии, были неоднократно получены Р.М.Фрумкиной, А.П.Василевичем и М.С.Мацковским и в повторных экспериментах по зрительному распознаванию элементов текста, поставленных с той же целью – для верификации гипотезы Дж. Миллера о том, что единицей принятия решений при распознавании речи является отрезок не меньший, чем слово, и что человек стремится к оптимизации кодирования воспринимаемых сигналов, а именно: если есть возможность образования более крупных блоков, кодирование и декодирование происходит на основе этих крупных единиц [50, 195–196].

Эти эксперименты также показали, что если в языке имеется буквосочетание, например *бра*, которое как самостоятельное слово (в значении ‘настенный светильник’) встречается очень редко, а как “кусочек” в составе других слов (например, *образ*, *брат*, *брать*, *подбрасывать*, *обратно*, *области* и мн.др.) – очень часто, то высокая вероятность этого буквосочетания как самостоятельного элемента, т.е. встречающегося в составе других слов, на вероятность, а следовательно, и на распознаваемость его как самостоятельного слова не влияет. Вероятностный прогноз относительно таких буквосочетаний строит-

ся исключительно на их оценках как редких слов. Для экспериментов как раз и подбирались комплексы, которые являются редкими словами, но частыми буквосочетаниями. Иначе говоря, короткие комплексы единиц в процессе восприятия непременно достраиваются до более длинных. И лишь тогда только обретают смысл.

С другой стороны, согласно гипотезе о единицах принятия решений не меньших, чем слово, аналогичным образом должно осуществляться распознавание слов, включающих такие комплексы в качестве составных частей: в общем случае они должны распознаваться в целом на основе своих собственных вероятностей как слов, а не на основе вероятностей входящих в них “осколков”.

Данное предположение могло бы подтвердиться, если бы для распознавания предъявить слова, с одной стороны, в целом низкочастотные, но включающие в свой состав высоковероятные звуко- или буквокомплексы, а с другой – высокочастотные слова, но не содержащие таких комплексов. Слова первого рода характеризовались бы низкой, а второго – высокой распознаваемостью. А это и означало бы, что немаксимальные, а следовательно, несамостоятельные, несловные, пусть даже и высокочастотные, комплексы в процессе распознавания речи обязательно “достраиваются” до максимальных комплексов, т.е. актуализируемых в качестве самостоятельных словоформ, если даже эти словоформы характеризуются значительно меньшей частотностью по сравнению с включающимися в них несловными комплексами.

Исключительный интерес в рассматриваемом плане представляют эксперименты В.Б.Касевича, В.В.Рыбина и Е.М.Шабельниковой по перцептивному квантованию звучащих (записанных на магнитную ленту) текстов, примерно равных по объему (1350–1380 слогов) на синтагмы – отрезки, несколько сходные с одноименными единицами в понимании Л.В.Щербы. Эксперименты проводились на материале китайского, японского и русского языков. В результате была выявлена общая тенденция к укрупнению синтагм

при сегментации текста, т.е. к преобладанию доли членений с меньшим числом синтагм в предложении над долей членений с большим числом синтагм, или, другими словами, тенденция к перевесу, причем значительному, синтагм большей протяженности над синтагмами меньшей протяженности. При этом высказано предположение о том, что отмеченный перевес, т.е. отношение минимум-сегментации текста (с меньшим числом членений) к максимум-сегментации (с большим числом членений), стремится к постоянной величине, колеблющейся в конкретном случае в пределах от 0,48 до 0,57 [35, 158–163].

Приведенные данные полностью согласуются с такой важнейшей характеристикой двусторонних языковых единиц, как их определенная смысловая законченность, специально отмечаемая, например, у слова А.И.Смирницким, который подчеркивал, что часть слова в отличие от целого слова потому только и выступает как таковая, что “ей недостает этой законченности, являющейся как бы предварительным условием для грамматического соединения данной единицы с другими аналогичными единицами в связную речь, в предложения” [47, с. 188]. Смысловая же законченность – это и есть нулевая, т.е. полностью снятая, информационная неопределенность языковой единицы, что как раз и приходится к ее (единицы) исходу.

Следовательно, не дробление означающих, не размывание информации, а, напротив, ее интеграция путем распределения между как можно меньшим количеством отрезков речевой цепи в наибольшей степени отвечает потребностям каждого из коммуникантов и сверхзадаче коммуникации в целом. Но такая стратегия, т.е. членение речевого континуума по максимум-, а не по минимум-цепочкам, в наибольшей степени отвечает и всеобщему жизненному принципу – экономии усилий, будь то в природе или обществе.

Недаром Ванька-Встанька (так называл Шалтая-Болтая переводчик кэрроловской “Алисы в Зазеркалье” В.Азов) следующим образом комментирует слово *хрющать*:

– “Хрющать” – это два слова в одном. Это очень удобно. Вместо того, чтобы сказать: *пищать* и *хрюкать* – ты сразу говоришь – *хрющать*. И время выгадываешь, и место, если *пишешь* [40, 243].

И действительно, чем меньше остановок, пауз, чем меньше препятствий на пути к достижению какой-то цели, тем меньше затрачивается на это времени и усилий. Не случайно беспосадочные авиарейсы, скажем, из Бишкека в Москву предпочитают рейсам с промежуточными посадками в Уфе или Актюбинске.

В этой связи приходит на память известная притча Льва Толстого о двух людях, шедших вместе по дороге с тяжелой ношей на плечах. Один из них не снимал ношу всю дорогу, а другой постоянно останавливался, снимал ее и садился отдыхать. Естественно, что при этом ему каждый раз приходилось снова поднимать свою ношу и снова взваливать ее на плечи. Поэтому он устал значительно больше, чем тот, который нес свою ношу не снимая [48, 37].

Аналогия с порождением и восприятием речи, вернее, с затратами на них усилий во всех этих случаях полная. Чем больше промежуточных остановок (границ, пауз), тем путь фактически оказывается длиннее, тем больше расходуется на него времени и энергии. Нужно только при этом учитывать, что максимум-стратегия действует на пределе, но не на запределе. Ибо затяжные перелеты или, например, прыжки с парашютом могут иметь трагические последствия.

В речевой деятельности чрезмерная (запредельная) как чисто физическая, так и информационно-семиотическая экономия, может, и не столь драматична или даже трагична. Но тем не менее она может стать существенной помехой для полноценного общения, в чем нетрудно убедиться на примере юморески Петра Капкина “Вежливые люди” [34], эффект которой построен на сверхдлинности (перцептивной запредельности) фамилий ее персонажей:

Бастружничалкосновкимовичскончаев пошел погулять, а навстречу ему Синдухорминказирляминдоксиночковский.

– Привет, Бастружничалкоснов-кимович(с)кончаев, – говорит Синдухорминказирляминдоксиночковский.

– Привет, Синдухорминказирляминдоксиночковский, – отвечал Бастружнич(о)лкосновкимовичскончаев.

Примечательно, что при втором употреблении первой фамилии-монстра в ней пропущена буква *с* (в составляющей *скончаев*), а при третьем – вместо *а* напечатано *о* (“ошибки” показаны в скобках), что, несомненно, обусловлено в данном случае сверхдискомфортностью условий работы с текстом (одного из видов речевой деятельности) для наборщика (линотиписта), корректора, редактора.

А ведь это хотя и монстры, но наши, родные. В них не нарушены ни законы звуко сочетаемости русского языка, ни морфологическая парадигматика, ни морфотактика, ни, наконец, законы синтаксической связи с другими, “нормальными” словами. И тем не менее здесь допускаются ошибки уже при первом их употреблении, причем профессионалами, мастерами редакторско-полиграфического искусства, точно так же как и во “фразе” *Оухеррольд-бицянхвицихйжстифнарфенвицтфрпхпчь-киздряс*, которая была порождена абстрактным автоматом Р.Л.Добрушина в варианте с равновероятными исходами букв и в которой поэтому не соблюдено ни одно из упомянутых парадигматических и синтагматических условий русскоязычности фразы (слова), что, наряду с ее непомерной длиной, и создает коммуникативную сверхдискомфортность.

“Трудновато для чтения, не правда ли?” – задает правомерный риторический вопрос известный популяризатор языковедческой науки А.М. Кондратов. Да и заметить ошибку не так-то просто. “Кстати сказать, – продолжает он далее, – эта фраза, вернее, “модель” фразы языка, лишённого избыточности, не один раз приводилась в научной и научно-популярной печати. И при внимательном анализе можно обнаружить, что каждый раз в ней бывали искажения, ошибки. Но их не замечали ни корректоры, ни авторы: ведь в тексте нет никаких закономерностей, никаких правил!” [37, 41].

Точно такой же, вернее, этот же самый вопрос можно задать и в отношении вышеприведенных фамилий, коммуникативная сверхдискомфортность которых и вытекающие отсюда ошибки в их передаче создаются только одним из перечисленных негативных факторов – непомерной длиной.

Е.Д.Поливанов мысль о пределе действия принципа экономии трудовых усилий сформулировал следующим образом: “...Стремление уменьшить (сэкономить) расход трудовой энергии – это общая черта для всевозможнейших видов продуктивно-трудовой деятельности человечества. В виде общего признака (для всесторонних разновидностей продуктивного и имеющего определенную цель труда) можно установить и границы такой экономии энергии: экономия трудовой энергии склонна осуществляться (и фактически осуществляется) именно до тех пор, пока сокращение энергии не угрожает бесплодностью всего данного трудового процесса (т.е. недостижением той цели, для которой данный труд вообще предпринимается)” [42, с. 81].

Поучительна в этом отношении сказка о Прекрасном Принце из серии черного юмора, напечатанная когда-то, еще в 70-х годах, в сборнике скандинавской сатиры. Сюжетная основа сказки, связанная, казалось бы, с безобидным сокращением слов на письме, состояла, если не изменяет память, в том, что ее герой после долгих злоключений оказался в больнице с ампутированной левой рукой, и дежурная сестра, оформлявшая его историю болезни, записала: “Лев. рук. ампут.”. Старшая же сестра, взглянув на запись, решила, что дежурная сестра, стоя лицом к пациенту и оценивая ситуацию, как это часто бывает, особенно когда еще нет опыта, со своей позиции, а не с позиции пациента, перепутала, левую руку с правой. Поэтому она, вздохнув, зачеркнула “лев.” и чуть выше написала: “Прав.”. Другая сестра, приняв новую запись не за констатацию, а за предписание, отправила Принца в операционную, где ему, не задумываясь (в силу порожденного техническим прогрессом принципа узкой специализации, господ-

ствующего в современных больницах), по всем правилам хирургического искусства благополучно оттяпали и правую руку.

В подтверждение мысли о пределе экономии Е.Д.Поливанов ссылается на то, что, например, упрощение письма, чем достигается сокращение числа мускульных движений руки, а значит, и мускульной энергии в целом, осуществляется, по его определению, в позволительных пределах, т.е. в пределах читаемости, понятности почерка. То же относится и к устной речи, которая говорящим озвучивается не слишком громко и не слишком явственно, внятно, но и не настолько тихо, чтобы оказаться не услышанным и непонятым [42, 82].

Точно так же обстоит дело и с членением по максимум-цепочкам. Такой стратегии говорящий (и слушающий) следует только до тех пор, пока тем самым не обесмысливается коммуникативная задача. Об этом свидетельствует пример максимум-прочтения, скажем, таких строк из симоновской "Родины" (снова демонстрируется графический вариант такого прочтения, что, как уже отмечалось, сути дела не меняет):

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке

И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке...

Если следовать максимум-стратегии, то необходимо объединить слова *но* и *в* в первой строке и *и* и *в* – в третьей, что дает соответственно *нов* и *ив*. Но тогда четверостишие попросту обесмысливается. Поэтому в таких случаях предел максимум-стратегии ограничивается до разумных возможностей, чем и достигается адекватность восприятия текста реципиентом замыслу продуцента, точно так же, как и в случае тупика, к которому приводит негибкое максимум-стратегическое прочтение пушкинской строки *Буря мглою небо кроет* → *Бурям/*глоюнебокроет*⁶.

⁶ Подобные сбои (неадекватные членения), вызываемые возникающим в результате последовательного членения речевого континуума на основе максимум-принципа наложением (пересечением) концов и начал смежных линейных единиц (*бурямглою*), легко устранимы с помощью специально предусмотренных для этих целей операций в системе соответствующего разработанного алгоритма,

Таким образом, принцип экономии усилий как всеобщий принцип деятельности, поведения и – шире – движения в природе и обществе в сфере речевой коммуникации находит свое воплощение в совершенно, казалось бы, противоречащих друг другу проявлениях. С одной стороны, это, например, изнашивание, укорочение слов при порождении речи, а с другой – их удлинение при восприятии.

И в этом нет ничего удивительного: принцип экономии, являясь как бы местом схождения, средоточием многих противоречий в языке, местом, где они, образно говоря, сплетаются, завязываются в тугой узел, многолик, характеризуясь, в частности, как количественной, так и качественной направленностью. Количественная экономия проявляется в сокращении языковых средств, а качественная – в их упрощении путем более рациональной организации [12, 58–59].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Д.И., Гозман И.Г., Сахаров Г.В. Словарь сокращений русского языка: Около 17 700 сокращений. – 3-е изд. С приложением новых сокращений. – М.: Русский язык, 1983. – 488 с.
2. Ахутина Т.В. Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 216 с.
3. Батманов И.А. Современный киргизский язык. – Вып. I. – 4-е изд. – Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1963. – 167 с.
4. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990. – 544 с.
5. Богородицкий В.А. Лекции по общему языковедению. – Казань: Типо-литография Императорского Казанского ун-та, 1911. – 246 с.
6. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – В 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963 / Т. I. – 384 с.; Т. II. – 391 с.

апробированного как в ручном, так и в машинном исполнении [14, 32-33; 15, 136-137; 16, 150-151; 21, 74-75; 24, 148].

7. Будагов Р.А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? // ВЯ. – 1972. – № 1. – С. 17–36.
8. Будагов Р.А. Человек и его язык. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 429 с.
9. Васильев А.И. Сопоставительная фонетика русского и киргизского языков. – Фрунзе: Мектеп, 1983. – 136 с.
10. Гаврилов Л. Проблемы понимания французского слова в речевом потоке в процессе перевода // Перевод как лингвистическая проблема. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С.27–32.
11. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – В 2 кн. / Предисл. Р.О.Якобсона. – Кн. I. – Тбилиси: Изд-во Тб. ун-та, 1984. – 430 с.
12. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. – М.: Междунар. отношения, 1979. – 256 с.
13. Ерофеев В. Москва – Петушки // Ерофеев В. Оставьте мою душу в покое: Почти все. М.: Х.Г.С., 1995. – С. 35–136.
14. Задорожный М.И. К обоснованию гипотезы членения речевого континуума на слова по максимум-цепочкам // Тр. Кирг. гос. ун-та. Филол. науки. – Вып. XVIII: Сер. языкозн. и метод. преп. рус. яз. – Фрунзе, 1974. – С. 17–36.
15. Задорожный М.И. О структуре словаря в системе автоматической сегментации нерасчлененного текста // Тр. Кирг. гос. ун-та. – Сер. гуманитар. наук. – Вып. 10. – Фрунзе, 1974. – С.134–149.
16. Задорожный М.И. К статистическому обоснованию гипотезы членения непрерывного текста на слова по максимум-цепочкам // Вопросы структуры предложения. – Днепропетровск: ДГУ, 1980. – С. 142–154.
17. Задорожный М.И. Статистическая характеристика автоматической сегментации нерасчлененного текста на слова по максимум-цепочкам // Статистическая оптимизация преподавания языков и инженерная лингвистика: Мат-лы симпоз. – Чимкент: ЧПИ, 1980. – С. 213–216.
18. Задорожный М.И. Из наблюдений над членением русской речи на слова киргизскими школьниками // О преподавании русского языка и литературы в киргизской школе. – Вып.7. – Фрунзе, 1981. – С. 51–64.
19. Задорожный М.И. О стандартных и специфических условиях и формах речевой коммуникации: Членение непрерывного потока речи на слова // Проблемы совершенствования преподавания русского языка и литературы в общеобразовательных школах и педагогических учебных заведениях: Тез. докл. республ. науч.-практ. конф. – Т.1. – Ташкент: Укитувчи, 1983. – С. 70–72.
20. Задорожный М.И. О некоторых особенностях пословного восприятия и членения непрерывного текста // Принципы анализа художественного произведения в киргизской аудитории. – Фрунзе: КГУ, 1984. – С. 81–102.
21. Задорожный М.И., Исмаилов Б. Обработка беспробельного текста на ЭВМ с использованием алгоритма распознавания // Адаптация и оптимизация систем управления. – Фрунзе: Илим, 1985. – С. 73–79.
22. Задорожный М.И. О стратегии членения непрерывного потока речи на слова // Мат-лы VIII всесоюз. симпоз. по психолингвистике и теории коммуникации: Тез. докл. – М.: Ин-т языкозн. АН СССР, 1985. – С. 69–70.
23. Задорожный М.И. Семантизация как доминанта вербального общения: Особенности членения речевого континуума на слова в нестандартных условиях коммуникации // Экспериментальный анализ смысла. – Фрунзе: КГУ, 1987. – С. 99–111.
24. Задорожный М.И. Тип языка, длина слова и членимость непрерывного текста на слова по максимум-цепочкам: На материале русского, киргизского, дунганского и других языков // Ориенталистика в Киргизии. – Вып. 2. – Фрунзе: Илим, 1987. – С. 146–170.
25. Задорожный М.И. Семантизация как доминанта деятельности языкового сознания // Языковое сознание: Тез. IX всесоюз. симпоз. по психолингвистике и

теории коммуникации. – М.: Ин-т языкозн. АН СССР, 1988. – С. 66–68.

26. Задорожный М.И. О характере членения непрерывного потока речи на слова в условиях слабого владения языком // Языковые контакты и проблемы преподавания языков в условиях дву- и многоязычия: Мат-лы междунар. науч. конф. – Бишкек: БГУ, 1992. – С. 11–13.

27. Задорожный М.И. О возможных приложениях гипотезы членения потока речи на слова по максимум-цепочкам // Функциональные аспекты изучения русского слова на разных уровнях языка. – Орехово-Зуево: ОЗПИ, 1993. – С. 72–76 / Деп. в ИНИОН РАН № 49025 от 14.03.93.

28. Задорожный М.И. Вербальное восприятие и членение речи // Задорожный М.И. Внутряязыковые и межъязыковые аспекты парадигматики и синтагматики русского слова: Дис. ... докт. филол. наук (науч. докл.) / Московский гос. ун-т. – М., 1994. – С. 28–32.

29. Задорожный М.И. Равновозможное членение непрерывного потока речи на слова как проявление синтагматической вариативности // Вариативность языковых единиц: Тез. докл. зон. науч.-теорет. конф. – Кемерово: КГУ, 1994. – С. 111–114.

30. Задорожный М.И. Членение непрерывного потока речи на слова в контексте воззрений Бодуэна де Куртенэ и бодуэновцев // Бодуэн де Куртенэ. Теоретическое наследие и современность (К 150-летию со дня рождения): Тез. докл. междунар. науч. конф. – Казань: КГУ, 1995. – С. 76–78.

31. Задорожный М.И. Гипотеза членения речевого потока на слова по максимум-цепочкам и проблема прочтения «темных» мест «Слова о полку Игореве» // Слово: Мат-лы междунар. лингв. конф. – Тамбов: ТГУ, 1995. – С. 121–123.

32. Задорожный М.И. Принцип экономии трудовых усилий в концепции Е.Д.Поливанова и членение непрерывного потока речи на слова. – Смоленск, 2000. – 90 с.

33. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфо-

логия. Лексика. Жест. – М.: Наука, 1983. – 238 с.

34. Капкин П. Вежливые люди. – Юность. – 1991. – № 3. – С. 84.

35. Касевич В.Б., Рыбин В.В., Шабельникова Е.М. Перцептивное квантование китайского текста: В сопоставлении с японским и русским // Актуальные вопросы китайского языкознания: Мат-лы V всесоюзн. конф. – М.: Наука, 1990. – С. 158–163.

36. Кондратов А.М. Позиционно-статистический анализ протоиндийских текстов // Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов. – М.: Изд-во ВИНТИ, 1965. – С. 31–45.

37. Кондратов А.М. Звуки и знаки. – М.: Знание, 1966. – 208 с.

38. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке (1883) // Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию. – М.: Наследие, 1998. – С. 96–222.

39. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – 254 с.

40. Панов М.В. О переводах на русский язык баллады «Джаббервокки» Л.Кэрролла // Развитие современного русского языка 1972.: Словообразование. Членимость слова. – М.: Наука, 1975. – С. 239–248.

41. Пиотровский Р.Г. Информационно-статистические параметры языка // Проблемы языкознания: Докл. и сообщ. советских ученых на X междунар. конгр. лингвистов. – М.: Наука, 1967. – С. 89–92.

42. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. – М.: Наука, 1968. – 376 с.

43. Рассадин С. Синий дым Китая // Лит. газета. – 1992. – 10 июня. – С. 4.

44. Ройзензон Л.И., Могилевский Р.И. Фактор длины слова при аффиксальной деривации: На материале славянских языков // Тр. Самарканд. гос. пед. ин-та. Нов. сер. – Вып 170: Вопр. языкозн. и лит. – Самарканд, 1969. – С. 58–67.

45. Сахарный Л.В. Как устроен наш язык. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.

46. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. – М.: Наука, 1974. – 352 с.

47. Смирницкий А.И. К вопросу о слове: Проблема «отдельности слова» // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В.Сталина по языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 182–203.
48. Толстой Л.Н. Собр. соч. – В 22 т. – Т.10: Повести и рассказы. Рассказы из «Новой азбуки». – М.: Худож. лит., 1982. – 544 с.
49. Фрумкина Р.М. Проблемы восприятия слов в зависимости от их вероятностей // Проблемы языкознания: Докл. и сообщ. советских ученых на X междунар. конгр. лингвистов. – М.: Наука, 1967. – С. 92–95.
50. Фрумкина Р.М. Лингвистическая гипотеза и эксперимент: О специфике гипотез в психолингвистике // Гипотеза в современной лингвистике. – М.: Наука, 1980. – С. 183–216.
51. Хоролец Г.И. Фонетическое освоение русской лексики в киргизском языке / Киргизский гос. ун-т. – Фрунзе, 1953. – 172 с.
52. Цветкова Л.С. Афазия и восстановительное обучение. – М.: Просвещение, 1988. – 208 с.
53. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики: На материале русского языка. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
54. Шмелев Д.Н. Современный русский язык: Лексика. – М., 1977. – 336 с.
55. Щерба Л.В. О творяком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании (1931) // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С.24–39.